

BLIZZARD ENTERTAINMENT

В а р в а р
С Т Р А Н Н И К

К а м е р о н Д е й т о н

Страх

Его мертвая сестра приходила на закате. Всегда на закате.

Небо темнело, тени удлинялись с наступлением сумерек. Он стоял и смотрел, как исчезает за горами солнце. Всякий раз шепот вечернего ветра сменялся шарканьем нетвердо ступающих ног. Эти шаги... Холодные белые ступни, истерзанные сухожилия и надтреснутые кости... Она шла босиком по замерзшим камням, миля за милей. Сколько бы ни прошел за день Кер, сколько бы рек ни перешел вброд и на сколько бы отвесных скал ни взобрался, она всегда приходила к нему на закате.

Здоровяк возился с огнем. Шарканье становилось все отчетливее. В Шарвальских лесах, куда он спустился, было много сухих деревьев, и Кер, до этого неделями питавшийся сушеной олениной, пытался подбодрить себя мыслями о горячей пище. Взбодриться, однако, не получалось. Звук тяжелых шагов всегда сопровождался ощущением тягучего ледящего ужаса, от которого мороз пробегал по коже. Шаги замерли в темноте, там, куда не доходил свет от костра.

Кер не хотел поднимать глаз, не хотел с ней говорить. Но если не сделать этого, она не уйдет. Он дождался, пока разгорится потрескивающее пламя, выпрямился и тяжело вздохнул, глядя в холодный воздух сумерек.

– Говори, Фэн. Говори и уходи.

Она сделала нетвердый шаг, затем еще один и вошла в круг света. Пристально глядя на пламя, Кер невольно потянулся к свежему шраму на груди. Еще шаг – и Фэн оказалась прямо напротив него. Бревно в костре шевельнулось, треснуло, и в воздух взмыл сноп искр. Кер заставил себя проследить за яркими точками и поднять взгляд на существо, которое когда-то было его сестрой. Он был в долгу перед ней.

Жар костра добрался до ее бледной плоти, усиливая тошнотворно-сладкий запах разложения. Долгие недели преследования обезобразили Фэн настолько, что Кер едва узнавал ее.

На лице зияли две черные впадины, черные тени пролегли там, где когда-то были глаза глубокого синего цвета, которые он так хорошо помнил. Жалкие остатки золотых кос свисали спутанными свалявшимися клочками – под мокрой тяжестью одного из них с головы начала слезать кожа. На глазах у Кера желтушная плоть разлезлась и кусок гнилых тканей и волос шлепнулся на землю. Ее тонкие конечности дрожали на ветру, сквозь тонкий пергамент кожи выпирали кости. «Интересно, чувствует ли она еще хоть что-нибудь», – подумал Кер. Она наклонилась и ткнула ему в грудь костлявым трясущимся пальцем.

– Кер. Кер Одвилл.

Как ей удавалось говорить этими жалкими остатками рта? Челюсть отвалилась, черный язык набух до такой степени, что выпирал из висящей лохмотьями щеки. Как могла она стоять здесь, исполненная страшным гневом, если была похоронена под грудой гранитных обломков Арреата много лет назад? Кер знал, что ему не стоило возвращаться, что не будет ему искупления на этой истерзанной земле. Он не нашел дорогу к лесистым

каньонам, где жил его народ, и много дней плутал по незнакомым обрывистым холмам. Когда-то утопавшая в зелени долина племени Стэг ранее была приветливым местом, где ему был знаком каждый уголок. Все изменилось. Все пропало.

Но Фэн нашла его. Нашла и начала преследовать.

– Кер Одвилл. Предатель. Предатель!

Сестра

Рассвело очень рано, но костер не спасал от пронизывающего до костей холода. Сбросив медвежью шкуру, Кер поднялся во весь свой огромный рост и потянулся. Все его мускулистое тело было покрыто шрамами. С годами он перенял обычай обитателей Сквосских островов брить лицо и голову наголо. В теплых краях, где царило вечное лето, это было удобно и помогало сгладить производимое им впечатление чужака. Но здесь он чувствовал, как уязвима и беззащитна его кожа на обжигающе холодном ветру. После нескольких недель, проведенных под этим зимним небом, Кер с тоской вспоминал о буйной бороде и длинных волосах, которые носил в юности. Он провел грубыми пальцами по заросшему щетиной подбородку. Интересно, узнала ли бы его сейчас Тера?

Мысли о любимой до сих пор пронзали грудь острой ноющей болью. Это нельзя было назвать горем, чувством вины или тоской. Скорее это была боль ошибки, спрятанная в глубине загрубевшей души, и раскаяние. Это была ошибка, которую нельзя исправить, а можно лишь спрятать еще глубже, чтобы если не унять, то хотя бы приглушить страдание или на время забыть о нем. Кер покачал головой.

Предстоял долгий путь назад. К югу от Кольских гор лежал Вестмаршский залив. Там можно попасть на торговую баржу и обогнуть на ней полуостров. Купцы охотно нанимали мускулистых парней охранять груз, чтобы самим в пути со спокойной душой гулять по портовым борделям. Кер владел языками, на которых общались между собой торговцы Зерата, Лут-Гoleyна и островов. Несмотря на крупное телосложение и почти два с половиной метра роста, он легко мог сойти в глазах потенциального нанимателя не за примитивного дикаря Мертвых земель, а за выходца из более цивилизованных племен. Дальше добраться до Филиоса через Вестмарш и Кингспорт уже не составит труда. А там... Там она ждала его возвращения. Там зеленые холмы и веселая музыка, вино и мясо, ее смех и объятия теплых, нежных рук. Там он сможет забыть о своем долге, о холоде и грызущем чувстве раскаяния.

Зачем он пришел сюда? Найти своих? Попросить у них прощения? Что ж, они сами его нашли. По крайней мере, Фэншла.

Забрасывая землей тлеющие остатки костра, Кер попытался выбросить из головы события прошлой ночи и сосредоточиться на сегодняшнем маршруте. Лесистые вершины впереди выглядели труднопроходимыми, но обитаемыми. Там была жизнь, а ему за несколько последних недель так надоело иметь дело со смертью... Он был сыт ею по горло. Кер снова машинально дотронулся рукой до груди.

Это не было предательством, сказал он себе. Он не уклонялся от исполнения долга, ведь тех, перед кем он был в долгу, уже не было в живых. Он покидал пустынные земли, где

был уже не нужен. Кер надеялся что-то исправить, найти способ покончить со сведавшим его чувством вины. Вместо этого он нашел звенящую пустоту и неведанное ранее отвращение, которое росло внутри него с каждым приходом Фэн. Он снова и снова мысленно повторял себе: это не предательство. На этот раз – нет.

Кер помнил, что за следующим перевалом проходит извилистая охотничья тропка, по которой он два месяца назад добирался сюда. Она выведет на тропу побольше, одну из тех, что ведут к северному склону Кольских гор и по которой можно выйти к Железному пути.

Железный путь. Эта древняя полуразрушенная дорога осталась от когда-то могущественной, но исчезнувшей ныне империи, простиравшейся от пустынь Араноха до Ледяного моря. Вымощенный крупными блоками железистого сланца цвета ржавчины величественный Железный путь брал начало в морозных землях Ивгорода, пересекал хребет Кольских гор и заканчивался в западных предгорьях Хандураса. Когда-то здесь царило оживление: торговые караваны шли один за другим, двигались имперские войска. Дорога сокращала путешествие через горы с нескольких месяцев до нескольких недель. Ей не пользовались уже много столетий, и это привлекало в ней Кера больше всего. Путь был ныне почти полностью заброшен и забыт – в эти смутные времена короли, вожди и военачальники северных племен редко вели дела с соседями. После разрушения Арреата соседние народы жили в постоянном страхе, большинство из них предпочло укрепить стены и жить за закрытыми воротами. Приграничные земли постепенно приходили в запустение.

Значит, дорога будет свободна от путников и бандитов. Он мог справиться и с теми, и с другими, но все же предпочитал обойтись без компании. Подняв на плечи Скорн, свой огромный двуручный меч, он повернулся и зашагал к холмам.

Прошло десять дней трудного путешествия. Еще десять закатов, еще десять появлений сестры. Теперь у нее не хватало одной руки – поживились падальщики, и полностью облез череп, обнажив желтую кость. Но это все еще была Фэн. Все еще ее голос. И все то же проклятие. Сможет ли он когда-нибудь свыкнуться с тем отвращением и ужасом, что вызывает в нем ее присутствие? И следует ли ему привыкать?

Кер боялся, что Фэн пересечет вслед за ним Два моря и будет преследовать его до самого Филиоса. В глубине его разума зрела и рвалась наружу мысль: может, разделаться с ней? Пронзить ее тяжелым клинком, разрубить трясущийся скелет на мелкие куски? Освободит ли это ее от мучений? Освободит ли это *его*?

Кер потуже затянул медвежью шкуру на плечах. Нет. Он не может так поступить с Фэн, со своей сестрой. Он заслужил ее слова, заслужил ее ненависть. Поделом ему.

Пытаясь стряхнуть мрачные мысли, великан пустился в путь. Земля быстро замелькала под ногами, размеренные шаги принесли утешение. Желал ли он как можно скорее покинуть эти земли или стремился вернуться в более приветливые края, но этот участок дороги он преодолел на удивление быстро. Железный путь был уже совсем близко, и он знал, что по ровной земле идти будет еще быстрее. Скоро все забудется. Скоро все останется позади, среди холодных пустошей, где мертвецам и место.

Кер вздохнул и попытался выбросить эти мысли из головы, подумать о вине, солнце и мерном звуке набегающих на песок волн. В животе заурчало. Два дня назад Кер доел остатки сушеного мяса, а дичи в этих местах было куда меньше, чем он надеялся. Воин сосредоточил все свои силы на том, чтобы покинуть свою разоренную родину как можно скорее. Теперь он понял, что нужно было позаботиться и о пропитании.

Спустя несколько мгновений чей-то крик вырвал его из задумчивости... Затем последовали еще крики. Они раздавались откуда-то с дороги, из-за дубовых зарослей,

растущих в низинах вдоль Железного пути. Кер сошел с тропы и припал к земле среди деревьев, чтобы занять более выигрышную позицию.

Это, несомненно, были беженцы. Мужчины, женщины, дети – несколько десятков тощих невымытых крестьян в обветшалой одежде несли скудные пожитки в корзинах, заплечных мешках и даже в узлах из одеял. Как и Кер, беженцы предположили, что дорога будет пустой, но вели себя, в отличие от него, слишком беспечно. Они беспорядочно растянулись вдоль дороги и были совершенно не подготовлены к нападению хищников или разбойников, не говоря уже о ком-то похуже. А горы в округе таили немало серьезных опасностей.

Кер услышал их запах еще до того, как они появились в поле зрения, и к горлу подступила тошнота. Хазра. Косматые уродливые демоны, сочетающие в себе черты людей и козлов. Козлоногие обычно перемещались группами. Под грубой шкурой их длинных рук перекачивались клубки мышц и мощных сухожилий, на напряженных плечах вздувались перекрученные вены. Их нижние по-звериному изогнутые конечности оканчивались раздвоенными черными копытами. Огромная козлиная голова с узкими чернильными глазами и изогнутыми рогами сильно выдавалась вперед. Кер несколько раз сталкивался с этими чудовищами в своих путешествиях по южным землям, и в воспоминаниях об этих встречах не было ничего хорошего. Хазра были отвратительным воплощением влияния демонов на людей.

Кер увидел пару козлоногих, бежавших вдоль дороги и явно намеревающихся поживиться. Беженцы с криками бросились врассыпную. На дороге уже валялось с десяток окровавленных и растерзанных тел. Козлоногие металась от тела к телу, срывая с мертвых лохмотья. Кер почувствовал, как его раздражение перерастает в гнев, но усилием воли подавил его. Это не его бой. Не его долг. Это лишь задержит его. К тому же, он уже не мог тут помочь. Он ничем не обязан был этим крестьянам, этим глупцам, отправившимся в опасный путь безоружными. Он не обязан их охранять.

Кер уже совсем было собрался сделать крюк и обойти их стороной, как заметил дровосека. Мужчина, одетый в домотканое коричневое сукно, нес вязанку сухих веток, из которой сыпалась труха. Монстры заметили его. Дровосек стоял один, выставив вперед обычный топор, в то время как козлоногие все плотнее окружали его, утробно смеясь. Они стали по очереди колоть несчастного грубыми пиками и копьями, как только тот поворачивался к ним спиной. Тело дровосека быстро покрыли десятки кровоточащих ран. Остальные беженцы поспешили укрыться среди близлежащих деревьев, бросив соплеменника на медленную мучительную смерть. Мужчина повернулся, пытаясь отразить удар, и тут Кер увидел, что было у него во второй руке. Дровосек прижимал к себе ребенка.

Жизнь

Арона охватило отчаяние. Еще мгновение – и топор выпал бы из ослабевших рук... Но тут воздух содрогнулся от рева. Чудовища обернулись, заблеяв от изумления, и в тот же миг на них обрушился ураган стальной ярости. Арон отшатнулся назад, вскинул топор и второй рукой еще сильнее прижал к себе девочку, молясь, чтобы этот новый демон принес им быструю смерть без мучений.

Разрубленные на куски козлоногие стали падать один за другим, и Арон наконец оказался лицом к лицу с этой новой неожиданной угрозой. И чуть не задохнулся от удивления.

Это был человек. Великан возвышался даже над этими огромными чудовищами. Покрывшая его горячая кровь дымилась в холодном утреннем воздухе. На его гороподобных плечах была накидка из медвежьей шкуры, а на ногах – доспехи из разномастных пластин и колец. Тяжелые сапоги из воловьей кожи, шрамы на обнаженной груди. Огромные руки, узловатые и грубые, обхватывали рукоять устрашающего оружия размером под стать хозяину. Неровный меч с зазубринами, выкованный из грозного черного металла, был раза в три длиннее топора Арона. Великан держал это мощное орудие смерти над головой, и оно казалось продолжением его рук.

Это мог быть только варвар. Арон слышал сказания о варварах даже в своей глухой деревушке у восточного подножия гор. В сказаниях говорилось, что дикари-великаны охраняли священную гору и поедали посмевших нарушить ее покой. Но даже во сне он не мог представить себе того, что видел наяву: такую невероятную силу, заточенную в обычном смертном из плоти и крови, молниеносную реакцию и мощь, подвластную человеческой воле.

Хазра, обиравшие трупы поодаль, побросали лохмотья и пронзительно закричали. Из щелей меж желтых козлиных зубов струйками вырывался пар. Еще несколько хазра появились с краю дороги – это на зов собратьев вернулись те, кто преследовал беженцев в зарослях. Всего Арон насчитал семь или восемь чудовищ. Подбадривая друг друга блеяньем, они не сводили глаз со своей новой мишени. Опустив головы, хазра сбились в кучу и двинулись в атаку.

Варвар вдохнул сквозь зубы, перехватил массивный клинок и протянул свободную руку к Арону.

– Твой топор.

Арон поспешно протянул топор незнакомцу. В этой мясистой лапе он казался хрупкой безделицей. Варвар поднял топор, осмотрел его и одобрительно кивнул.

– Прочный. Не ветки рубить делался.

Козлоногие набирали скорость, копыта глухо стучали по камням. Варвар собирался обсуждать топор перед лицом смертельной опасности? Что за безумец?

– Да... То есть, нет, нет... он принадлежал моему отцу, – запинаясь, пробормотал Арон. – Он был ополченцем в...

Варвар плавно поднял руку и метнул топор. Арон смотрел, как он летит, вращаясь так быстро, что видны были лишь неясные очертания стального лезвия. Топор *насквозь* пробил голову ближайшему козлоногому и вонзился в грудь другому. Первый хазра пошатнулся и рухнул на землю. На месте козлиной головы осталось страшное месиво, струями била кровь. Второй хазра, споткнувшись о тело собрата, упал замертво. Оставшиеся замедлили ход. Приближаясь, монстры постепенно расступались, чтобы взять врага в кольцо.

Арон попытался добраться до трупа одного из существ, нападавшего на него ранее, и схватить его копье, чтобы помочь варвару обороняться. Но великан зарычал и пинком сбил его с ног. Закрыв ребенка своим телом, Арон в страхе оглянулся.

– Не поднимайся.

Арон пригнулся, крепко обняв дитя. Его беспокоило то, что она затихла, но, пожалуй, сейчас ей даже лучше побыть без сознания. Козлоногие подбирались все ближе, из их

перекошенных ртов капала пена. Они были разъярены и, судя по творившемуся только что кошмару, были способны разорвать жертву на куски со сладострастным пылом. Варвар держал клинок наготове в согнутых руках. Арон видел, какая сила таилась в его литых мускулах.

Терпение козлоногих лопнуло, и они ринулись в атаку с утробными криками. Арон поднял взгляд: варвар стоял с закрытыми глазами и – он мог поклясться Преисподней! – *улыбался*. Потом великан откинулся назад, его улыбка превратилась в презрительную усмешку и он в стремительном прыжке ринулся навстречу приближающимся демонам. Арон поежился от холода, когда тяжелое оружие со свистом пролетело над ним. Монстры недооценили нечеловеческую силу варвара, и описавший смертоносную дугу меч уложил сразу четверых козлоногих, подобранных слишком близко. Меч не резал – он *крушил* этих тварей, ломая хребты, дробя кости, разрывая плоть, обдавая Арона брызгами крови – его уши, нос, рот и глаза залила горячая соленая жидкость. Дровосек закашлялся. Когда он оттер кровь с лица, то увидел, что там, где еще недавно было четверо козлоногих, теперь валялось восемь бездушных кусков плоти, которые корчились в последних судорогах. Тяжело дыша, варвар оперся на одно колено и крепко обхватил глубоко застрявший в дорожной плитке клинок. Двое оставшихся в живых козлоногих, которые, видимо, были несколько умнее своих собратьев, выбрали более удобный момент для нападения и теперь, ликуя, подкрадывались к варвару сзади.

Арон попытался крикнуть, чтобы предупредить незнакомца об приближении врагов, но подавился свернувшейся кровью. Варвар припал к земле, затем рванул вверх, выдрав меч вместе с увесистым камнем, и запустил им в приближающихся чудовищ. Камень вошел в их мясистые тела, словно в воду, с треском разрывая все на своем пути. Окровавленные куски плоти размером с кулак пронеслись над головой Арона.

И вот... все кончилось. Настала тишина. Варвар триумфально возвышался на фоне гор, словно высеченный из камня бог крови, смерти и ярости. Арон никогда раньше не видел

ничего более устрашающего и гадал, чем может обернуться появление этого внушительного воина. Незнакомец повернулся, закинул оружие на плечо и зашагал по дороге. Неужели он уходит? Нет. Нагнувшись, варвар вытащил топор Арона из раздробленной, окровавленной груди монстра и вернулся. Великан протянул Арону рукоять и кивнул.

– Теперь дорога безопасна. Хазра не возвращаются, встретив сильного соперника. Слухи среди этих стервятников разносятся быстро.

Арон подошел, чтобы взять топор, и остановился. Девочка в его руках по-прежнему не шевелилась. Сверток постепенно остывал. Только сейчас дровосек заметил темное мокрое пятно, расплывшееся от места, в которое попало копье.

Арон уронил голову.

– Нет... нет, нет.

Рыдая, он крепко сжал младенца в руках и упал на колени. Варвар смотрел на него, догадываясь о случившемся.

– Я видел, как ты защищал ее, дровосек. Ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы спасти этого ребенка, – он сплюнул в сторону тихо возвращавшихся на дорогу беженцев. – Ты выполнил свой отцовский долг.

– Это не мой ребенок, – сказал Арон срывающимся голосом. – Я пытался вынести ее в безопасное место, когда напали козлоногие и ее родители погибли. – Она не моя дочь...

Смерть

Кер шел с беженцами. Они уговорили его сопровождать их и защищать в случае опасности, взамен предложив еду и несколько слитков серебра. Варвар принял скудную плату и сухо согласился. Кер понимал: эти несчастные обречены, и им уготована неминуемая смерть, как только их пути разойдутся. Они лишь временно делили с ним дорогу, но пока Железный путь не приведет их в Хандурас, он будет драться за них, не жалея сил. Оставит ли Фэн его в покое, если он будет путешествовать не один? Он надеялся на это, но сегодняшний закат решил все же встретить в одиночестве, чтобы беженцы не могли ее увидеть – не стоило пугать их еще сильнее. Как бы то ни было, какое-то время он пойдет среди людей, хоть будет с кем перекинуться словом. Крестьяне, в свою очередь, держались чуть поодаль, не зная, чего ждать от молчаливого чужака, но старались не отставать, с трудом поспевая за его размашистым шагом.

– Ты варвар, да?

Это был дровосек. Кер потерял его из виду, когда тот ушел хоронить чужого ребенка, и не заметил, как тот догнал его. Ускоряя ход, Кер неразборчиво буркнул что-то в подтверждение.

– Я так и думал. Кто еще мог тягаться с этими чудовищами? Кто еще мог размахивать плугом, будто обычной саблей? – дровосек покачал головой, улыбаясь.

Кер нахмурился. Похоже, перекинуться словом в дороге было не такой уж хорошей идеей. Прошло уже много недель с тех пор, как он в последний раз говорил с кем-то... или с тех пор, как с ним говорили. Он задумался, всегда ли разговоры казались ему легковесными и пустыми. И все-таки он был впечатлен наблюдательностью дровосека. Скорн действительно был выкован из лемеха. Кер расправил плечи, и толстые кожаные ремни крепления на спине скрипнули от напряжения.

Крестьянин сделал несколько быстрых шагов вперед, пытаясь заглянуть Керу в глаза. – Сначала я сомневался. У тебя ведь нет бороды и длинных волос, как у варваров из сказаний...

Он откашлялся.

– Если не хочешь говорить, я пойму. Я только хотел поблагодарить тебя.

Опустив голову в поклоне, он пропустил варвара вперед. Кер пошел дальше, но невольно поймал себя на том, что этот дровосек заинтересовал его. Он встал на защиту чужого ребенка, когда другие бежали, открыто выразил благодарность, когда соплеменники трусили. Такая смелость, особенно у выходца из простого народа, впечатляла. Кер повернулся, чтобы посмотреть, куда ушел дровосек, и с удивлением обнаружил его всего в нескольких шагах позади.

– Ты ходишь бесшумно, дровосек. Ты научился этому, пока рубил деревья?

Тот засмеялся, и смех его прозвучал неожиданно тепло.

– В лесах, где я вырос, этих *хазра* отродясь не водилось, но громко топтать все равно не стоило. Нелегко собирать хворост, удирая от медведей.

Кер кивнул. Объяснение было логичным, но он подозревал, что дровосек чего-то недоговаривает. У людей бывают секреты, ему ли не знать. Варвар отвел взгляд.

– Ты раньше не видел козлоногих?

– В таких количествах – никогда. В последние несколько лет они иногда рыскали в наших краях по трое-четверо в поисках пропитания, обычно на возвышенностях, где копыта позволяли им быстро перемещаться. Мы предполагали, что они опасны, но на равнине при встрече с вооруженными мужчинами они обычно убегали. Однако сейчас... Сейчас они повсюду. Кольские горы кишат ими от вершин до подножия.

Дровосек сильно сжал рукоять топора, и Кер заметил, как по его лицу пробежала тень. – Они... Похоже, они организовались. Никогда еще они не действовали так слаженно и агрессивно. Они стали нападать на отдаленные деревни. Семь дней назад я обнаружил, что чудовища стягивают силы в долину. Целое стадо двигалась в сторону Дансмотта. Я успел предупредить своих, и мы, похватав, что смогли, покинули дома с заходом солнца. На Железном пути мы встретили еще людей. Они рассказали то же самое.

– Мы – первые ласточки, – дровосек махнул рукой на вереницу бедняков позади, – Если эти нападения не прекратятся, скоро по этой дороге сплошным потоком хлынут люди, сорвавшиеся с обжитых мест в поисках убежища.

Эти слова заставили Кера призадуматься.

– Никто *не будет* бороться с хазра, дровосек. Кольские горы – пограничная полоса. Здесь никто не правит, и никто не защищает эту территорию. Выводи свой народ на равнину, в безопасное место. Там и оставайтесь.

Щуплый спутник варвара замедлил ход, обдумывая услышанное, и мрачно улыбнулся. Казалось, он принял какое-то решение и протянул руку.

– Мы горный народ, но мы не глупцы. Мы собираемся выйти по этой дороге на Вестмаршскую низменность... А там уже начать жизнь с чистого листа. Меня зовут Арон.

Дровосек Арон держал руку протянутой, пока Кер, пророкотав что-то себе под нос, в конце концов не сдался. Он коротко и безучастно пожал поданную руку, утопив ее в своей огромной загрубевшей ладони.

– Я Кер Одвилл, последний из племени Стэг.

– Последний?

– Моего народа больше нет. Ярость Арреата поглотила его.

– Я... Мне жаль. Я не могу представить себе худшего горя, чем разлука со своим народом. Вот почему, несмотря на опасность, я остаюсь с ними, – Арон указал в сторону беженцев.

Кер и дровосек прошли еще с дюжину шагов.

– Но...– в задумчивости пробормотал Арон, – как же тебе удалось выжить? Вест о разрушении горы дошла тогда даже до моей глухой деревушки. Какое чудо спасло тебе жизнь?

Кер не ответил. Он сосредоточил взгляд на Железном пути, прибавил хода и вскоре обогнал Арона. У людей бывают секреты, ему ли не знать. Варвар отвел взгляд.

Солнце садилось, а значит, люди за его спиной скоро начнут устраиваться на ночлег. Крестьяне довольно сильно отстали, но все же варвар свернул с дороги и стал карабкаться по камням. Возможно, эта предосторожность была излишней... Но он предпочел перестраховаться.

Тем вечером Фэн все же пришла. В дороге она лишилась нижней челюсти, и теперь ее черный язык болтался у горла, задевая связки и мышцы. Но ее слова были неизменны. Ужас был неизменен. Кер надеялся, что путешествие в компании людей избавит его от визитов сестры. Защищая их, он надеялся оправдать себя в ее глазах, в этих запавших пустых глазницах. Он даже надеялся, осмеливался надеяться, что она, возможно, просто плод его больного, пораженного чувством вины воображения. Но холод, пронизывающий его руки и плечи, был таким колющим, таким тягучим. Все происходило на самом деле. Бессильная ярость Фэн обдала его все тем же ледяным жаром.

Кер понял, что вечера ему придется проводить вдали от Арона и его соплеменников.

Предатель

Кер ошибся насчет козлоногих. На следующее утро он отразил еще две атаки и еще трое беженцев погибли. Семь свежих трупов хазра украсили собой Железный путь, и Арон с беспокойством задумался о том, сколько еще изогнутых пар рогов отделяло их от Вестмарша. Хазра нападали из засады всякий раз, когда варвар отрывался от группы.

Страх усилился, и теперь крестьяне шли плотной кучкой, не отставая от своего защитника больше чем на десяток шагов. Арон замыкал скромную процессию из двадцати душ, держа наготове топор. Еще несколько мужчин и женщин из тех, что покрепче, подобрали оружие павших преследователей. Такой строй оказался эффективным против трусливых тварей, и в тот день атаки больше не повторились.

Кер помог беженцам разбить лагерь так, чтобы его легко было оборонять, и, невзирая на протесты, оставил их, когда солнце скрылось за западным склоном. Он сказал, что идет осмотреть холмы в округе, изучить местность, чтобы понять, откуда ждать атак завтра.

Арон был уверен, что Кер лжет. И он видел страх на лице варвара.

Но вскоре после наступления темноты Кер вернулся, и беженцы вздохнули с облегчением. Арон чувствовал, что произошло что-то жуткое: варвар принес с собой *стужу*, физически осязаемую, пробирающую сильнее, чем холодный воздух гор. Как будто солнце, уходя за Кольские горы, вытянуло и унесло с собой все тепло и жизнь из Кера Одвилла. Дровосек разумно счел, что не стоит докучать великану вопросами.

Арон протянул ему внушительную порцию еды из крестьянских запасов. Голодные беженцы жадно проводили взглядом пищу, которую выделила варвару суровая вдова. Кер взял предложенное, ни о чем не спрашивая, и молча принялся за еду. «Интересно, когда варвар ел в последний раз?» – подумал Арон. В то же время он попытался прикинуть, хватит ли тех ягод и мелкой дичи, что удавалось добыть в дороге, чтобы

прокормить Кера и добраться до Вестмарша раньше, чем беженцев постигнет голодная смерть.

Когда Кер ушел на закате, Арон поговорил с вдовой деревенского главы, худой хмурой женщиной по имени Сейта. Он объяснил, что варвар не пытается нарочно навредить им, просто он не привык иметь дело с такими неподготовленными, слабыми спутниками. Кер, может быть, нелюдим, зато он готов сопровождать крестьян до конца пути. Казалось, его слова не убедили женщину. Она смотрела словно сквозь него на уходящую вдаль дорогу.

В этот вечер дровосек охранял лагерь вместе со свинопасом по имени Далн.

Вооруженный кривой лопатой старик на поверку оказался крепче и решительнее многих молодых. Далн заикался и, казалось, постоянно пребывал в смятении. Всю свою шестидесятилетнюю жизнь он провел в Дансмотте, ни разу не покидая клочок земли размером с квадратную милю, и это путешествие давалось ему мучительно. Ночью не было нападений, козлоногие пропали впервые с тех пор, как крестьяне покинули дома. Далн отрывисто спросил, чем же это варвар отпугнул монстров на закате. Может, призвал на защиту кого-то из холодных богов Мертвых земель? Арон велел старику помалкивать и не сводить глаз с дороги. *Веткам упавшего дуба не задают вопросов. Их просто собирают с благодарностью.*

Прошло два дня, потом четыре, потом еще четыре. Атаки случались реже, но не прекратились окончательно. Арон видел преследующих караван чудовищ: обычно они шпионили по двое, скользя вдоль горных вершин по обеим сторонам дороги. Иногда к этим хазра присоединялись другие, и тогда, осмелев от многочисленности, они переставали скрывать свое присутствие. Арон понимал: неизменные силуэты чудовищ у линии хребта, стук копыт по камням, доносимый ветром запах протухшего мяса, вкрадчивое блеяние – все это изматывало людей не меньше прямых атак.

Когда Железный путь начал спускаться к подножиям гор, Кер понемногу оттаял и, как показалось Арону, даже был не прочь поговорить, если собеседник выражал мысли кратко... и не задавал лишних вопросов. Казалось, Кер находил утешение, рассказывая о своем народе. Арон многое узнал о племени Стэг, об их предназначении, о священном долге защищать Арреат. Он также узнал, как это предназначение наполнило смыслом жизнь племени и связало его узами с животными, населявшими горы. Этот объединявший все варварские племена обет служил им источником духовной силы.

Кер, в свою очередь, узнал о детстве дровосека в глухой горной деревушке Дансмонт. Арон и его брат росли с отцом, после того как их мать заболела и умерла. Отец Арона, ветеран ополчения, почти ничего не знал о мирной жизни и воспитывал своих сыновей как настоящих солдат. Это была суровая жизнь. Настолько суровая, что брат Арона сбежал на север, в Ивгород, чтобы учиться там у монахов, и больше они никогда о нем не слышали. Отец вскоре после этого скончался, оставив Арону скромную хижину в лесу и выдавший виды топор. Дровосек почти не горевал. Он благодарил судьбу, что старик не дожил до дня, когда милый его сердцу Дансмонт был брошен на растерзание этим грязным тварям. Это была небольшая милость небес, «кэлсеф». Арон часто использовал слова из этого древнего наречия, а Кер насмехался над его «благоговением перед осколками бесполезного языка» и считал это пустой манерностью. Арон не обижался и лишь улыбался в ответ.

– В словах таится сила, Кер Одвилл, – говорил он. – Сила, связывающая людей.

Кер лишь хмыкал и поправлял медвежью шкуру на груди.

На их маленький отряд уже несколько дней никто не нападал, и люди несколько воспрянули духом. Козлоногие наблюдатели по-прежнему следовали за ними в некотором отдалении, но все привыкли к их присутствию, и, чем ближе к Вестмаршу, тем сильнее крепла надежда вскоре оставить их позади. По расчетам Кера оставался еще день

или два пути по горам. Арон отчаянно надеялся, что на равнине добывать пропитание станет легче. Он и несколько мужчин и женщин из тех, что покрепче, отдавали свои дневные пайки варвару. Их запасы были на исходе.

Когда Кер остановился и объявил привал, в животе дровосека громко заурчало. Арон устало прислонился к огромному валуну у края дороги, пока другие суетились, разбивая лагерь. Он заметил, что силы двигаться остались лишь у тех, кого покормили: у молодежи, стариков, раненых... и у варвара. Арон знал, что ему нужно поговорить с Кером, попытаться объяснить ему, как распределяется рацион. Он решил поднять эту тему попозже, когда великан вернется из своего ежевечернего уединения.

Глаза Кера неотрывно следили за заходящим солнцем, рот угрюмо кривился. Мыслями он был далеко отсюда. Не проронив ни слова за трапезой, он отправился в свою ночную вылазку с последними лучами предзакатного солнца. После целого дня в пути варвар шел все так же целеустремленно, огромными шагами, чтобы никто не мог за ним увязаться.

Даже если бы Арон хотел последовать за ним, у него не было на это сил. Голова кружилась от голода. Вдруг он с изумлением услышал женский голос за своей спиной.

– Кер Одвилл! Если ты сегодня встретишь хазра, пожалуйста, принеси нам его тушу. Некоторые из нас настолько голодны, что не откажутся съесть их козлиные части. Может, хоть так нам хватит сил преодолеть остаток пути!

Варвар остановился. Арон обернулся посмотреть, кто мог сказать такое. Возможно, голод лишил ее рассудка? Это была Сейта, та самая вдова, что каждый вечер выделяла Керу порцию из стремительно тающих запасов. Она стояла, уперев руки в бока, и, несмотря на показную храбрость, глаза ее были предательски влажными.

Кер стоял спиной к притихшим беженцам. Его голос эхом отразился от стен каньона.

– Народ Дансмотта недоволен моей службой?

Арон, пошатнувшись, шагнул к варвару, широко распахнув руки.

– Нет, Кер! Она не это имела в виду...

Но Сейта заговорила снова, и было ясно, что она вынашивала эти слова весь день.

– Мы голодаем, чтобы прокормить тебя, варвар. Какая разница, принять смерть от козлоногих или от голода?

Арон слышал сердитый рокот в ее поддержку: усталые и голодные люди роптали... Он понял, что назревает бунт против их защитника. Дровосек повернулся к беженцам лицом, пытаясь погасить искру, грозившую перерасти в неконтролируемый пожар.

– Нам всем было трудно в дороге, Сейта. Мы должны отдавать ему еду, потому что ему нужны силы, чтобы защищать нас от нападений. Как только мы выберемся из этих гор, мы сможем охотиться и...

– Мы не переживем два дня, если не найдем еще еды! – сталь ее голоса резала холодный воздух словно нож. Кто-то шумно выдохнул, послышалось еще несколько сердитых голосов. Далн направил свою лопату на варвара, который повернулся к ним лицом.

– Почему он ничего нам не приносит с ночной охоты? – прозвучал скрипящий вопрос старика. – Мы не для того его кормим, чтобы он б-б-бросал нас всякий раз, как ему вздумается. Его д-д-долг – сохранить нам *жизнь!*

Арон ждал, что Кер ответит разъяренной толпе. Казалось, он был высечен из камня и вздрогнул лишь при одном слове: *долг*. Арон видел, как великан сжал челюсти, как

напряглись мышцы на его шее. Дыхание варвара наполняло воздух густыми клубами пара, от которых веяло опасностью. Кер повернулся к дровосеку, голос его был раскален, как горячие угли.

– На южных островах я служил султанам, полководцам, королям торгового мира. Никогда еще я не обнажал свой клинок ради таких никчемных людишек, – он плюнул на землю. – Вы обречены были умереть в этих горах, и уж точно умрете, спустившись на равнину. В Вестмарше водятся и хазра, и кое-кто похуже. Надо было дать вам погибнуть здесь, на Железном пути. Это было бы милосердно.

Арон в отчаянии протянул к нему руки.

– Пожалуйста, Кер, прости их дерзость. Они напуганы, голодны и сами не знают, что несут. Не оставляй нас!

Кер Одвилл замер на секунду, остановив взгляд на несчастном дровосеке.

– Ты выживешь, если бросишь их, Арон. У тебя есть все навыки, чтобы выжить в дороге. Но если ты останешься с ними, ты погибнешь.

Варвар зашагал по дороге в последних лучах заходящего солнца. Вслед ему неслись полные раскаяния и мольбы голоса беженцев. Арон повернулся, вскидывая топор на плечо. Никогда еще его ноша не была такой тяжелой.

Брат

Кер остановился, лишь когда силуэты жалких простолюдинов окончательно поглотила тень, когда о них больше не напоминал ни единый звук или запах. В крови варвара кипел жгучий гнев. Он сжимал кулаки с такой силой, что побелели костяшки. Неужели эти глупцы не знали, в чьих руках их жизни? Неужели не понимали, как задержали его в пути, ведь если б не они, он добрался бы до цели намного раньше? И даром бы не нужна ему их жалкая горстка сухарей! Как они посмели?!

Солнце тихо скрылось за горами и гнев варвара уступил место гнетущему бессилию. Рыча, он рывком снял Скорн со спины и, размахнувшись обеими руками, швырнул его в темноту.

– Приди же, сестра! Приди и скажи о моем предательстве! Приди и назови мое имя своим черным языком!

Он упал на колени, вокруг него сомкнулась тьма. Кер закрыл глаза и услышал приближающиеся шаги. Сестра будет приходить всегда, защищай он полоумных крестьян или нет. *Так что толку...* Вдруг Кер затаил дыхание.

Шагов было много, *слишком много*, резкое цоканье становилось все отчетливее.

– Я не твоя сестра, но я назову тебя, – раздался низкий хриплый голос. *Блеяние.* – Я назову тебя глупцом, легкой добычей и, да, правильно – предателем.

Кер вскочил на ноги и тут же упал от резкого удара. Варвар перекатился и попытался подняться, но несколько козлоногих вцепились в него мертвой хваткой. Он страхнул

двоих, но сразу получил удар в спину и перестал чувствовать ноги. На него навалились еще хазра, в глазах потемнело.

– Хватит! Свяжите его. Ведите сюда!

Кер услышал звон цепей и почувствовал, как холодные наручники туго стянули запястья, врезаюсь в кожу. Его избили и грубо поставили на ноги. Ребро треснуло. По спине и рукам стекали ручейки крови. Звуки, боль, гнев – казалось, все это было где-то вдали.

– Это наша дорога. Железный путь – наш. Ты слишком поздно бросил свое стадо, варвар.

Кер поднял голову и моргнул, смахивая с глаз горячую кровь. Перед ним стоял огромный хазра, вдвое больше самого крупного козлоногого из тех, что он когда-либо видел. Хотя его сознание и было затуманено болью, Кер удивился. Этот выродок выделялся уродством даже на фоне своих сородичей. Громадные плечи переходили в мощные, достающие до земли руки с костлявыми пальцами, серо-лиловую кожу покрывали шрамы в виде уродливых букв, рун и других знаков. Они обвивали истерзанную плоть и, казалось, жили отдельной от нее жизнью. Вместо одной пары спиралевидных рогов из шишковатого черепа росли сразу две. Слово толстые побеги лозы, они неожиданно чувственным изгибом обрамляли выпирающую челюсть. На тяжелых, окаймленных железом рогах были вырезаны те же знаки, что и на коже. Слипшаяся от крови густая черная шерсть с зеленовато-бурыми пятнами покрывала ноги, спускаясь к темным зазубренным копытам. Монстр с блеющим хохотом задрал голову, и Кер отпрянул в отвращении, увидев вислые, тощие, как сушеная рыба, груди с медными кольцами в сосках. Это была самка хазра.

Протянув руку, она с неуклюжей нежностью дотронулась до макушки варвара и скользнула грубыми пальцами вниз по щеке и шее. Кер судорожно сглотнул, подавляя отвращение. Она дотронулась до его покрытой шрамами груди и усмехнулась.

– Вижу, не только я отмечена священными словами, м-м? – проговорила она, обдавая Кера влажным смрадным дыханием. Верховная хазра провела пальцем по груди и по отметинам в области сердца, которые варвар обычно скрывал под накидкой.

– Ха! Ты умеешь читать? – она отступила назад и, подняв руки, продемонстрировала свои живые шрамы. – *Мои* слова несут силу. *Мои* слова несут господство, огонь и могущество, которыми наделил меня мой темный повелитель. Он, давший мне власть над этой дорогой, начертал эти слова на моей плоти и сделал меня королевой!

– Но *ты*? – фыркнула она. – Ты носишь на себе *это*? Ха! Ха!

В сгустившейся тьме Кер увидел, что отметины на теле королевы действительно излучали загадочный свет; в размытом фокусе он улавливал неясное фиолетовое мерцание. Она подала знак одному из козлоногих, стоявших позади.

– Приведи остальных. Пока не убивай их. Я хочу, чтобы овцы взглянули на своего защитника-труса!

Тот невнятно промычал в ответ, и Кер опустил голову. *Остальных? Неужели беженцы так быстро попались?* И следом пришла другая мысль, быстрая и колючая. *Конечно.* Он ведь бросил их. Еще одно предательство.

Прибывали новые и новые хазра. Две дюжины, три. Каждый выражал почтение мерзкой королеве. Некоторые делали кровавые подношения – растерзанные до неузнаваемости звериные и людские останки. Она обнюхивала их и либо сразу пожирала, либо отбрасывала назад. Запах падали и козлиной крови наполнил воздух.

Тем временем хазра, державшие Кера за руки, швырнули его на землю и подтащили к покрытым трещинами копытам королевы. Она присела на корточки и начала ласкать его тело, шипя на раболепных подданных, пока те разводили огромный костер в центре дороги. Тихо мурлыча себе под нос, она царапнула его по позвоночнику. Кер снова ощутил ее горячее дыхание на своей шее.

– Ты...– прошептала она, – ты мог бы стать неплохим ишаком. Цепной варвар – трофеей, достойный королевы рода Бон.

Кер попытался плюнуть, но во рту пересохло.

В отдалении раздались до боли знакомые крики. Он услышал громкий голос Арона, исполненный сначала гнева, потом боли. Хазра расступились и показались беженцы, которых гнали стадом. Они были напуганы, некоторые рыдали. Арона тащили двое козлоногих. Он был в крови и безоружен, но все еще сопротивлялся. Перед повелительницей предстал высокий чернорогий хазра – явно ее фаворит. В руках он нес топор Арона.

– Вот этот. Он... Он драться. Он убивать несколько из нас, – речь козлоногого звучала медленно и невнятно, он с трудом выговаривал слова людского языка неприспособленной для этого козлиной челюстью. Он был куда глупее своей любовницы, чей разум, скорее всего, подвергся влиянию могущественных темных сил.

Предводительница племени рассмеялась.

– Ха! Мы нашли еще одного волка в овечьем стаде! Веди его ко мне.

Арона толкнули вперед, и он упал на колени. По тому, как дровосек держал руку, Кер понял, что она сломана; изо рта у него тонкой струйкой сочилась кровь. Арон с трудом поднялся на ноги и встретился взглядом с Кером. Его глаза округлились от удивления.

– Ты? Я думал, тебе удалось уйти. Как они...

– Ха! – злорадно вскричала верховная хазра. – Он начинает в тебе сомневаться.

Арон безучастно разглядывал чудовищную фигуру королевы козлоногих, но ее слова заставили его содрогнуться. Он бросил взгляд вниз, к ее копытам, где ничком лежал Кер. Она снова рассмеялась.

– Ваш защитник? Ваш спаситель? Этот трус знал, что вы обречены. Он ел вашу пищу, а потом сбежал, заметив засаду. Увидев нас, он бросил свой меч!

Арон сделал судорожный вдох.

– Нет. Нет, он защищал нас. Он... Он убивал твоих...

– ...никчемных тварей. Слабаков. Пешек, которых я посылала, чтобы вы пошевеливались в пути. Чтобы поскорее добрались до *меня*.

Она опустила руку и любовно погладила Кера по плечу.

– Вы легко поверили этому предателю. Как это на вас похоже! Давно нужно было задать вам трепку, чтобы избавиться от всех насекомых, которыми *кишат* каньоны. Эти горы умоляют меня стать их королевой и просто мечтают покориться власти рода Бон!

Козлоногие одобрительно зашумели, разом вскинув оружие. Верховная хазра умела воодушевить свой народ.

Злость Арона заставила его позабыть о боли. Он шагнул к варвару, сжимая кулаки.

– Так ради этого ты морил нас голодом? Прикидывался честным и храбрым, принимая наш хлеб, чтобы просто сбежать, почуяв настоящую опасность?

Арон плюнул в Кера кровавой слюной.

– Султаны? Владыки? Ты предал наше доверие в угоду этой козлоногой шлюхе!

Королева хазра разразилась грубым хохотом. Кер попытался сесть прямо.

– Нет. Дровосек. Арон. Я хорошо охранял вас... Я не знал, что...

Королева схватила Кера за запястья и рывком поставила на ноги. Ее волшебные татуировки зловеще мерцали, надевая и без того мускулистые руки великой потусторонней силой. Варвар тяжело дышал, хватая ртом воздух, руки были туго стянуты, длинные цепи свисали с наручников металлическими лентами.

– Смотри, человечешко. На вашем защитнике клеймо! Ха! Невежественный горный народец, предупреждение было написано прямо у него на груди. Имя этому варвару – предатель!

Глаза Арона сузились. Дровосека трясло от ярости.

– Убей меня, если такова твоя воля, хазра. Но позволь мне пролить кровь предателя.

Хохот главы племени превратился в завывание, остальные хазра мелко захихикали.

– Да! Да! Убей этого варвара, человечиска. Убей его, и, может быть, я помилую тебя и отправлю нести весть о роде Бон жителям равнины.

– Гербек! – позвала она своего фаворита. – Дай дровосеку его топор. Пусть нарубит нам дровишек!

Хазра скользнул вперед, протягивая оружие. – Держи, слабак, – прогудел он.

Арон взял топор в здоровую руку и, опираясь на него, как на трость, двинулся к варвару. Каждый шаг давался ему с трудом. Кер заметил, что он тяжело ранен. Кровь дровосека стекала по топорщику и лезвию, оставляя за на земле кровавый след. Верховная хазра подтолкнула Кера к дровосеку, словно предлагая ребенку игрушку. Арон вскинул топор и дрожащей рукой прислонил лезвие к груди варвара.

– Этот шрам, – глухо прорычал он. – Тебя поместили как предателя? Скажи мне правду, варвар. Скажи мне правду хотя бы на этот раз.

Кер опустил голову. Голос его звучал глухо и тяжело, словно его душил стыд.

– Да. Я бросил свой народ во времена войн с разбойниками Энтштайга. Я оставил службу и покинул родные края ради женщины, дочери заезжего купца. Я предатель. Трус. И что ужаснее всего, племя Стэг погибло, когда разрушился Арреат. Я не успел вернуться и вымолить у них прощение.

Кер поднял полное скорби лицо.

– Не найдя их, я сам пометил себя как предателя, дровосек. Сам резал свою плоть. Выводил линии раскаленным добела ножом. Они все еще проклинаят меня за то, что я

вернулся, отвергают мое покаяние. Моя мертвая сестра... Ее призрак приходит ко мне каждый вечер на закате. Они не простят. Никогда не простят. Я не заслуживаю их прощения.

Варвар закрыл глаза.

– И твоего не прошу.

На лице Арона появилось отрешенное выражение. Казалось, он слушал слова из далекого прошлого, жестокие и правдивые слова, сумевшие каким-то образом пробиться сквозь звериный смех хазра. Лишь Кер услышал его шепот в ответ.

– В словах таится сила, Кер Одвилл. Эта ведьма заблуждается насчет народа гор. Буквы на твоей груди – знаки древней письменности, придуманной нашими предками, – он наклонился вперед. – Я знал про твою метку, варвар. Я знал об этом с того самого момента, как ты появился, но я видел и твою храбрость. И это тоже было правдой.

Дровосек надавил на топор, и лезвие надрезало кожу Кера. Варвар судорожно глотнул воздух.

– На этом топоре моя кровь, – громко и четко проговорил Арон. Верховная хазра удивленно засмеялась. – И я могу изменить твой знак с его помощью.

Лезвие прочертило красную линию посреди шрама.

– Теперь эта надпись гласит «брат».

Верховная хазра зашипела и бросила Кера на землю. Прыгнув вперед, она лягнула дровосека. Мощный удар копытом отбросил Арона назад. Его окровавленное тело описало дугу над костром и рухнуло с другой его стороны. Дровосек попытался подняться.

– Жалкий дурак! – пророкотала королева козлоногих. Она была разгневана тем, что ей испортили развлечение. – Думаешь, священные слова можно нанести обычным топором? Думаешь, такую силу можно получить, не заплатив страшную цену, не испытав агонии, не дав темных обетов?

Она снова схватила варвара за руки и стала разводить их в стороны. Цветные руны на ее грубом теле светились и плясали – мышцы Кера натянулись до предела.

– Я разорву его *в клочья*, – взвыла она, сотрясая воздух, – и затолкаю эти клочья вам в глотки!

Кость с треском выскочила из сустава, и Кер застонал.

Арон поднял окровавленную голову и простер руку к измученному варвару.

– Ты прощен, Кер.

Козлоногие засмеялись. Один из них отделился от стаи и метнул копье в спину Арона. Дровосек замер.

Внезапно резкий пронзительный вой раздался в ночном небе. Хазра притихли. Десятки черных глаз-щелок повернулись к повелительнице.

Хазра тряслась и тяжело, прерывисто дышала, сжав кривые зубы. Опустив голову, она рыла копытами землю от напряжения и изо всех сил старалась развести руки варвара еще шире, но безуспешно. Самка яростно зашипела, когда Кер медленно, но неумолимо стал сводить свои, а вместе с ними и ее, руки. Пытаясь помешать этому, она подняла варвара выше.

Кер перекрестил кисти рук, чтобы схватить сомкнутые вокруг его запястий пальцы. Не успев вовремя разжать кулаки, предводительница угодила в ловушку.

– Нет! – взвыла хазра, оскалившись. Из ее раскрытой пасти на подбородок капала пена. – Моя... моя сила тебе неподвластна. Ты... не сможешь этого *сделать!*

Ее мускулы вздулись от напряжения, когда он свел ее руки вместе. Плечо щелкнуло, и могущественная самка опрокинула голову назад, вновь издав истошный крик. Варвар сгибал ее руки под неестественным углом, не давая вырваться из железной хватки. Козлоногие нервно кружили вокруг. Крики их королевы теперь звучали жалобно и умоляюще. Извиваясь в попытках освободиться, она наклонилась вперед – и варвар встал на ноги.

Теперь она была в его власти.

Не теряя ни секунды, Кер присел и, используя встречный импульс, легко перекинул ее через себя и швырнул в костер. Из костра разлетелись горящие головешки, и хазра в панике бросилась врассыпную. Огласив ревом пустое небо, варвар рванул руки в стороны. Раздался хруст, наручники соскользнули с запястий и упали на землю, цепи разлетелись, звеня, словно разбитые колокола.

Не переставая пронзительно кричать, королева поднялась на ноги. Ее окутанный густым облаком дыма силуэт чернел на фоне пламени. Варвар подскочил, прыгнул в огонь, повалил чудовище на спину и ухватил за витые рога. Безжалостным рывком он вырвал их из головы монстра и вскинул сжатые в кулаки руки над телом врага. Затем он пустил мощные рога в ход как дубинку и обрушил на корчащегося монстра град ударов, с треском ломая кости.

Ночь содрогнулась от криков ее агонии. Железный путь вибрировал от ударов Кера Одвилла. Древние магические силы, витающие над горным хребтом, приняли ярость варвара. Приняли его жертву.

Прошло много часов, прежде чем его гнев утих. В полной тишине взошло солнце, окрасив вершины красным.

Отойдя от погребального костра, Кер бросил на землю окровавленный трофей и окинул взглядом Железный путь, покрытый темными пятнами. Козлоногие покинули эти места и уже никогда сюда не вернуться. Беженцы были неподалеку. Они сбились в кучу у распростертого тела Арона, замерев от страха.

– Соберите всю еду, которую сможете найти, – громко приказал им варвар. – Осталось два дня пути.

Предназначение

Заходящее солнце окрасило долину Вестмарша в теплые осенние тона. Кер, точивший обычный топор, на минуту оторвался от своего занятия и встал, провожая взглядом

последние лучи солнца. Вечерний бриз тихо играл его длинными седеющими волосами. Едва дыша, он считал мгновения, пока солнце окончательно не скроется за горой.

Слышны были лишь голоса птиц, возвращающихся в свои гнезда. Никаких шагов. Никаких слов. Небеса хранили свой обет, пока он выполнял свое предназначение.

Как и предсказал Арон, бесконечный людской поток хлынул по Железному пути, ища спасения от сил зла, объединившихся, чтобы захватить Кольские горы. Род Бон был повержен, но эти вершины таили много других, худших опасностей. Простые люди нуждались в защитнике, и весть о Железном страннике, хранителе дороги, быстро облетела эти края от Вестмарша до Ивгорода. Кер приложил руку к груди и вновь отправился в путь. Беженцам понадобится помощь брата.